

квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание : дис. ... кандидата юрид. наук / Кротов Сергей Евгеньевич. — М., 2005. — 176 с.

3. Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Васильевский. — СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. — 300 с.

4. Дудоров О.О. Обставини, що пом'якшують та обтяжують покарання : поняття, правова природа, значення / О.О. Дудоров // Вісник Запорізького національного університету. — 2011. — № 1. — С. 204–211.

5. Ільїна О.В. Кримінально-правова характеристика кваліфікуючих ознак корисливих злочинів проти власності : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 «Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право» / О.В. Ільїна. — К., 2007. — 20 с.

6. Михаль О.А. Классификация отягчающих обстоятельств: соотношение с категориями преступлений / О.А. Михаль // Правоведение. — 2005. — № 2. — С. 79–85.

7. Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / Т.А. Костарева. — Казань, 1992. — 20 с.

8. Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике : автореф. дис. на соискание уч. степени доктора юрид. наук : спец. 12.00.08 — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / А.И. Трахов. — Саратов, 2002. — 48 с.

9. Тростюк З.А. Про окремі вади законодавчої регламентації кваліфікуючих (особливо кваліфікуючих) ознак у Кримінальному кодексі України / З.А. Тростюк // кримінальний кодекс України 2001 : Проблеми застосування і перспективи удосконалення. Диференціація кримінальної відповідальності : матеріали міжнар. Симпозіуму 11-12 вересня 2009 року. — Львів, 2009. — С. 219-224.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОТИВОВ ВРАЖДЫ (РОЗНИ, НЕТЕРПИМОСТИ) ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Дарья МАСОЛ,

соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

In the article the theoretical research is providing the motives of enmity (hatred, intolerance) in criminal law of the Commonwealth of Independent States. Carried out a comparative analysis of the provisions of criminal codes of these states, as well as their compliance with the Model Penal Code for the State of the Commonwealth of Independent States. Stand trends and patterns in the normative regulation.

Key words: motif, enmity, hatred, intolerance, body of the crime

Аннотация

В статье проводится исследование значения мотивов вражды (розни, нетерпимости) по уголовному праву государств-участников Содружества Независимых Государств. Осуществляется сравнительный анализ положений уголовных кодексов этих государств, а также их соответствие Модельному уголовному кодексу для государств-участников Содружества Независимых Государств. Выделяются тенденции и особенности в нормативной регламентации.

Ключевые слова: мотив, вражда, рознь, нетерпимость, состав преступления.

Постановка проблемы. В современном мире тенденции к сегментации общества становятся все динамичнее и очевиднее. В связи с этим все более усугубляется опасность конфликтов (противоречий) между людьми на почве принадлежности к различным социальным группам. Такое положение вещей требует от государства проведения эффективной превентивной политики, направленной на минимизацию подобных конфликтов (противоречий). Так, на 11-ой встрече Совета Министров, проходившей в Маастрихте в декабре 2003 года, министры иностранных дел 55 государств-участников ОБСЕ подтвердили свое обязательство поощрять толерантность и бороться с дискриминацией [1, с. 7]. Не последнюю роль в такой политике должны играть и уголовно-правовые запреты.

Актуальность темы исследования подтверждается как многочисленными конфликтами между разнообразными социальными группами на территории государств участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), так и дефектами соответствующих положений уголовного законодательства и недостатком вни-

мания к этой проблеме со стороны ученых-криминалистов.

Состояние исследования. Вопросам уголовной ответственности за преступления, совершаемые по мотивам вражды (розни, нетерпимости), были посвящены публикации Н.В. Уваровой, И.О. Зинченко, А.А. Кунашева, Н.И. Хавронюка, Н.В. Дрёмина-Волок, О.М. Лемешко, Л.В. Дорош и других ученых.

Целью и задачей статьи является исследование уголовно-правового значения мотивов вражды (розни, нетерпимости) по законодательству государств-участников СНГ, выявление тенденций и особенностей в нормативной регламентации.

Изложение основного материала. Одним из важнейших ориентиров, повлиявших на развитие уголовного права всех без исключения государств-участников СНГ, является Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ (далее – Модельный УК). Несмотря на свой модельный, рекомендательный характер, заложенные в него правовые идеи существенно обусловили содержание и форму положений уголовного законодательства многих государств постсоветского пространства.

Составители Модельного УК не обошли своим вниманием и вопрос совершения преступления по мотивам вражды (розни, нетерпимости). Во-первых, п. е) ч. 1 ст. 63 данного Кодекса предусматривает совершение преступления по мотиву национальной, расовой или религиозной вражды как обстоятельство, отягчающее наказание. Во-вторых, указанные мотивы выполняют роль квалифицирующего признака в ряде составов преступлений против личности, а именно – в квалифицированных составах убийства (п. м) ч. 2 ст. 111 Модельного УК), причинения тяжкого вреда здоровью (п. е) ч. 2 ст. 119 Модельного УК), причинения вреда здоровью средней тяжести (п. е) ч. 2 ст. 120 Модельного УК), истязания (п. ж) ч. 2 ст. 126 Модельного УК).

На наш взгляд, целесообразно проанализировать, насколько вышеперечисленные рекомендации Модельного УК были взяты во внимание законодателем государств-участников СНГ. Подобный анализ, на наш взгляд, должен включать в себя ответы на следующие вопросы:

а) имеют ли мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» юридическое значение по уголовному кодексу (далее – УК) того либо иного государства-участника СНГ вообще;

б) являются ли мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» обстоятельством, отягчающим наказание, по УК того либо иного государства-участника СНГ;

в) являются ли мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» квалифицирующим признаком составов преступлений, предусмотренных в Особой части УК того либо иного государства-участника СНГ, и если являются, то о каких видах преступлений идет речь;

г) выполняют ли мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» еще какую-либо «функцию» в уголовном праве того либо иного государства-участника СНГ?

Отвечая на первый из поставленных вопросов, следует констатировать, что все без исключения государства-участники СНГ, так или иначе, вос-

приняли рекомендации Модельного УК относительно мотивов национальной, расовой или религиозной вражды. Однако стоит отметить, что во многих национальных уголовных кодексах упоминаются не собственно вышеперечисленные мотивы, а их своеобразные «аналоги». Например, УК Украины содержит упоминание не только о «совершении преступления на почве национальной, расовой или религиозной вражды» (п. 3) ч. 1 ст. 67), но и о «совершении преступления на почве национальной, расовой или религиозной розни» (п. 3) ч. 1 ст. 67), а также – о «совершении преступления по мотивам национальной, расовой или религиозной нетерпимости» (п. 14) ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 121, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 129). В некоторых УК (например, УК Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Таджикистан) говорится о совершении преступления на почве фанатизма (в частности, религиозного). На наш взгляд, указанные различия в формулировках закона являются скорее технико-юридическими, а мотивы вражды, розни, нетерпимости, фанатизма, по большому счету, нужно рассматривать как тождественные «явления». В связи с этим, например, использование законодателем (в п. 3) ч. 1 ст. 67 УК Украины или п. 9) ч. 1 ст. 64 УК Республики Беларусь) и слова «вражда», и слова «рознь» для характеристики мотива преступления кажется нам излишним.

Кроме того, следует признать технико-юридическим дефектом использование законодателем в одном и том же УК разных формулировок для характеристики, по сути, одних и тех же мотивов преступления. В качестве примеров можно привести упомянутые выше п. 3) ч. 1 ст. 67 – п. 14) ч. 2 ст. 115; ч. 2 ст. 121; ч. 2 ст. 122; ч. 2 ст. 126; ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 129 УК Украины; либо же п. л) ч. 1 ст. 56 («совершение преступления по мотивам расовой или национальной вражды») – п. к) ч. 2 ст. 97; п. ж) ч. 2 ст. 194; п. ж) ч. 2 ст. 105 («совершение преступления по мотивам межнациональной или расовой вражды») УК Республики Узбекистан.

Отдельно стоит отметить и то, что в уголовном законодательстве некоторых постсоветских государств предписания, соответствующие рекоменда-

циям Модельного УК, сформулированы более «узко» или более «широко» (по сравнению с Модельным УК) в части характеристик «почвы» вражды, розни, нетерпимости. Например, в ч. 1 ст. 58 УК Туркменистана идет речь лишь о «совершении преступления по мотиву национальной или религиозной вражды» («узкий» подход), в п. d) ч. 1 ст. 77 УК Республики Молдова – о «совершении преступления на почве социальной, национальной, расовой или религиозной ненависти» («широкий» подход). При этом максимально «объемными» нам видятся положения УК Республики Беларусь (п. 9) ч. 1 ст. 64; п. 14) ч. 2 ст. 140; п. 8 ч. 2 ст. 147), в которых идет речь о «совершении преступления по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы»; и положения УК Российской Федерации (п. е) ч. 1 ст. 63; п. л) ч. 2 ст. 105; п. е) ч. 2 ст. 111; п. е) ч. 2 ст. 112; п. б) ч. 2 ст. 115; п. б) ч. 2 ст. 116; п. з) ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 119; ч. 4 ст. 150; ч. 1 ст. 213; ч. 2 ст. 214; п. б) ч. 2 ст. 244; п. 2 примечания ст. 282.1), которые содержат упоминание о «совершении преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Последний подход учитывает возможность совершения преступления на почве нетерпимости в отношении любой социальной группы и в связи с этим заслуживает позитивной оценки.

Переходя ко второму из сформулированных нами вопросов, следует отметить, что мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их «аналоги» предусмотрены как обстоятельство, отягчающее наказание, в УК абсолютного большинства государств-участников СНГ. Исключением из этой тенденции является только УК Кыргызской Республики. Однако в ст. 55 этого Кодекса упоминаются «иные низменные мотивы». И хотя, как утверждает А.А. Кунашев, судебная практика и правовая доктрина Кыргызской Республики распространяют указанную формулировку и на мотивы национальной, расовой или религиоз-

ной вражды [2, с. 65] (отметим, что к числу низких относит мотив расовой, национальной или религиозной нетерпимости и украинская ученая Л.В. Дорош [3, с. 164]), её вряд ли можно считать удачной в силу чрезвычайной «каучуковости». Тем более, п. 9) ч. 2 ст. 97 УК Кыргызской Республики содержит упоминание о «совершении преступления на почве межнациональной или расовой либо религиозной ненависти или вражды».

Все уголовные кодексы государств-участников СНГ предусматривают мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» как квалифицирующие признаки составов преступлений. При этом следует констатировать, что ни одно из государств не предусмотрело такие признаки в полном соответствии с рекомендациями Модельного УК касательно перечня видов преступлений. Некоторые государства ограничились указанием на мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» как на квалифицирующий признак убийства (например, п. 9) ч. 2 ст. 97 УК Кыргызской Республики), другие – предусмотрели подобные квалифицирующие признаки для нескольких видов преступлений из «списка Модельного УК» (например, п. 14) ч. 2 ст. 140; п. 8 ч. 2 ст. 147 УК Республики Беларусь), а многие страны – предусмотрели их для всех видов преступлений из «списка Модельного УК», и для других видов преступлений (например, п. 13) ч. 2 ст. 104, п. 12) ч. 2 ст. 112, п. 7 ч. 2 ст. 113, п. 7) ч. 2 ст. 119, п. 4) ч. 2 ст. 185, п. 2 ч. 2 ст. 265 УК Республики Армения) либо для некоторых видов преступлений из «списка Модельного УК», и для других видов преступлений (например, п. 1) ч. 2 ст. 145; п. i) ч. 2 ст. 151; п. j) ч. 2 ст. 152; п. b) ч. 2 ст. 222 УК Республики Молдова). Наиболее распространенными примерами иных (по сравнению со «списком Модельного УК») видов преступлений, для которых уголовное законодательство постсоветских стран предусматривает мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» как квалифицирующие признаки, являются: а) умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (уголовные кодексы Республики Армения,

Республики Казахстан, Республики Узбекистан); б) надругательство над телами умерших и местами их захоронения (уголовные кодексы Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Таджикистан, Российской Федерации).

Кроме того, следует заметить, что: а) в отдельных уголовных кодексах (а именно – Российской Федерации и Украины) национальные «аналоги» мотивов национальной, расовой или религиозной вражды выступают квалифицирующими признаком угрозы убийством и побоями (соответственно, ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 129 УК Украины; п. б) ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 119 УК Российской Федерации); б) по УК Украины «совершение преступления по мотивам национальной, расовой или религиозной нетерпимости» является квалифицирующим признаком пыток (ч. 2 ст. 127); а по УК Российской Федерации «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» является квалифицирующим признаком умышленного причинения легкого вреда здоровью (п. б) ч. 2 ст. 115). Следует указать, что наибольшее количество (9) видов преступлений, для которых национальные «аналоги» мотивов национальной, расовой или религиозной вражды являются квалифицирующими признаками, предусматривает УК Российской Федерации. Среди них – в том числе, вандализм (ч. 2 ст. 214) и вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ч. 4 ст. 150). На наш взгляд, расширение «списка Модельного УК» на уровне национального уголовного законодательства является достаточно оправданным, поскольку позволяет комплексно противостоять максимально широкому кругу проявлений вражды (розни, нетерпимости) в обществе. Сужение же указанного списка, наоборот, кажется весьма сомнительным.

Стоит также заметить, что по уголовному законодательству ряда государств-участников СНГ национальные «аналоги» мотивов национальной, расовой или религиозной вражды выступают конструктивными признаками составов преступлений. Так, по УК

Российской Федерации «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» является конструктивным признаком хулиганства (ч. 1 ст. 213) и организации экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1), а по УК Республики Таджикистан «совершение преступления по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной, местнической или религиозной ненависти или вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» является конструктивным признаком организации экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 307(2)).

Выводы. Подводя итоги, подчеркнем, что: 1) уголовные кодексы всех государств-участников СНГ так или иначе придают мотивам национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальным «аналогам» юридическое значение; 2) абсолютное большинство государств-участников СНГ прямо предусмотрело в национальном уголовном законодательстве, что мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» являются обстоятельством, отягчающим наказание; 3) все уголовные кодексы государств-участников СНГ предусматривают мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» как квалифицирующие признаки составов преступлений; 4) в отдельных уголовных кодексах государств-участников СНГ мотивы национальной, расовой или религиозной вражды либо их национальные «аналоги» выступают и как конструктивные признаки составов преступлений.

Кроме того, как позитивный нормотворческий опыт отдельных государств-участников СНГ следует отметить «широкий подход» к характеристике «почвы» вражды, розни, нетерпимости (УК Республики Беларусь, УК Российской Федерации) и «расширение» на уровне национального уголовного законодательства списка видов преступлений, в отношении которых Модельный УК предлагает предусмотреть мотивы национальной, расовой или религиозной вражды как квали-

фицирующие признаки (УК Украины, Российской Федерации и другие).

Список использованной литературы:

1. Борьба с преступлениями на почве ненависти в регионе ОБСЕ / перевод с англ. Е. Постникова. – Варшава, ОБСЕ, 2006. – 180 с.

2. Кунашев А.А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России : монография / А.А. Кунашев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 192 с.

3. Дорош Л.В. Мотив расової, національної чи релігійної нетерпимості як кваліфікуюча ознака злочинів проти життя та здоров'я особи / Л.В. Дорош. Проблеми законності. – 2011. – Вип. 114. – С. 163–173.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИАЦИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В УКРАИНЕ

Василий МЕЛЬНИК,

аспирант кафедры хозяйственного права и процесса Межрегиональной академии управления персоналом

Summary

In the article the theoretical research is providing the application of the organizational and legal enforcement of the mediation in European countries. The analysis of legal literature is carried out on research of the concept of mediation. The article investigates the prospects of legislative regulation of mediation. Mediation, as institution of self-regulation of civil society, can be used along with the judicial form of protection. Due to mediation the parties can resolve their own conflict on mutually agreeable terms that will enhance their reputation and maintain partnerships. It is proved that introducing Institute of mediation in the legal field of Ukraine, it is necessary to take into account the experience of European countries.

Key words: mediation, mediation agreement, the settlement agreement, the foreign law, European law.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование организационно-правового обеспечения применения в европейских странах медиации. Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию концепции медиации. В статье исследуются перспективы законодательного регулирования медиации. Медиация как институт саморегулирования гражданского общества может применяться вместе с судебной формой защиты. Благодаря медиации стороны могут решить свои конфликты на взаимных приемлемых условиях, которые повысят их репутацию, а также поддержат партнерские отношения. Обосновано, что, внедряя институт медиации в правовое поле Украины, необходимо учитывать опыт европейских стран.

Ключевые слова: медиация, медиативное соглашение, мировое соглашение, иностранное право, европейское право.

Постановка проблемы. В последнее время среди отечественных юристов, ученых и практиков, заметно возрос интерес к различным способам урегулирования споров вне государственного суда. В нашем государстве все больше информации появляется о медиации (восстановительном правосудии), которая имеет достаточно распространенную практику применения в западных странах и вызывает возрастающий интерес общественности Украины. Такой интерес неслучаен, поскольку проблемы государственной судебной системы, связанные с недостатками бюджетного финансирования, перегрузкой судов гражданскими и хозяйственными делами, волокитой в их решении, заставляют искать новые, более эффективные и оперативные пути решения конфликтных ситуаций.

Актуальность темы исследования усиливается потребностью в формировании действенной системы защиты прав и интересов лиц, что об-

условливает интерес отечественных юристов к мировой (в том числе европейской) практике альтернативного разрешения правовых споров, которое обеспечивает оперативное, объективное и компетентное решение правовых конфликтов. Особую теоретическую значимость приобретает исследование медиации как наиболее распространенного способа альтернативного разрешения споров.

Состояние исследования. Европейский опыт применения медиации является малоисследованным украинскими учеными-юристами. В Украине лишь некоторые аспекты медиации рассматриваются в редких публицистических статьях А. Белинской, О. Громоваго. Гораздо лучше данный вопрос освещен в России, где медиация как правовой институт закреплена на законодательном уровне. Так, медиацию исследовали такие российские правоведы, как Е. Борисова, Е. Воронина, О. Карпенюк, Г. Ристин и другие.